

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ В РАЗНЫЕ ЭПОХИ

В.М. АЛПАТОВ

v-alpatov@ivran.ru

д-р филол. наук, профессор,
академик РАН,
главный научный сотрудник
Института языкознания
Российской академии наук
Москва, Россия

Ключевые слова:

*лингвистика, границы
лингвистики, филология,
грамматика, историческая
лингвистика, синхронная
лингвистика, структура
языка, функционирование
языка*

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.002

Многовековая история лингвистики показывает, что представления о ее границах неоднократно менялись; были периоды расширения и сужения ее объекта. До XVIII в. лингвистика была исключительно синхронной, но в XIX в. она стала исторической. Структурная лингвистика XX в. исследовала синхронную структуру языков, но игнорировала их функционирование. Современная лингвистика характеризуется максимальным расширением своей территории.

Предмет лингвистики (языкознания) кажется очевидным: эта наука изучает язык. Однако с языком человека связаны настолько разные явления, что необходимо эксплицитно или имплицитно ограничить круг проблем, которыми занимается дисциплина, специально нацеленная на него. Кроме того, среди проблем, относимых собственно к лингвистике, могут быть выделены центральные и периферийные. Как показывает многовековой опыт развития европейской лингвистической традиции, превратившейся затем в науку о языке, границы между лингвистикой и «нелингвистикой» и соотношение центра и периферии постоянно менялись и меняются до сих пор.

В античности языком занимались две дисциплины: философия, которая могла исследовать любые проблемы, и грамматика, имевшая свой круг задач (может быть также выделена и риторика). Грамматика занималась в первую очередь морфологией, к которой добавлялись некоторые проблемы фонетики и синтаксиса. В новое время языкознание не было строго отделено от других наук: с одной стороны, от философии, с другой – от развившейся к тому времени филологии в узком смысле, науки о письменных, прежде всего древних текстах.

В начале XIX в. был сформирован первый строгий лингвистический метод – сравнительно-исторический. Была поставлена четкая задача – сравнивать родственные языки и на основе этого восстанавливать праязыки. Другой бесспорной задачей лингвистики считалось выявление истории языка письменного периода, которое основывалось на филологических методах.

Наука о языке в течение всего XIX в. (особенно последовательно во второй его половине) обычно понималась в этих рамках прежде всего как развитие сравнительно-исторической парадигмы. Яркий пример – история языкознания В. Томсена [9], где наука более раннего периода рассматривалась как «предыстория», а В. фон Гумбольдт и другие теоретики языка почти не учитывались (редактор русского издания книги Р.О. Шор должна была дополнять очерк).

Были и ученые, которые изучали теорию языка и типологию, они чаще всего продолжали традиции В. фон Гумбольдта, но этот подход занимал обособленное положение. Изучение современных языков допускалось только как «описательное» и, как правило, велось практиками или дилетантами. Младограмматики полагали: «Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку усвоить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории» [5: 43]. В эпоху младограмматизма преобладало сужение научных задач до реконструкции праформ и/или истории звуковых переходов. В то же время в начале XX в. реакцией на такое сужение стали попытки расширить

эти задачи за счет изучения пограничных с другими науками проблем (школа «слов и вещей», лингвистическая география и др.).

Характерно неприятие учеными старой школы, особенно лингвистами-филологами, уже в XX в. новых идей. А.И. Томсон в 1928 г. утверждал: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами барахтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» [6: 153]. Он же в 1934 г. называл деятельность Н. Трубецкого и других ученых новой парадигмы «слабосилием» тех, которые «не могут больше преодолеть подготовительной работы по изучению накопившихся данных по истории языков» [6: 175]. Не принимается прежде всего даже не обращение к синхронии (сам Томсон занимался экспериментальной фонетикой), а расширение объекта науки изучением «общих вопросов» за счет самостоятельного сбора конкретных фактов.

В «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра произошло значительное изменение лингвистической проблематики, которую он по сравнению с предшественниками одновременно и расширил, и сузил. Расширение шло за счет «реабилитации» лингвистики, не занимающейся языковой историей. «Только отбросив прошлое, он (лингвист. – В.А.) может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку» [7: 115]. Синхрония не просто отделяется от диахронии, но именно ее изучение признается приоритетным.

Соссюр одновременно и сужал область первоочередных исследований сразу в нескольких направлениях, что наблюдается уже в связи с разграничением языка и речи: «Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности» [7: 47]. А «если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» [7: 47]. Если язык «представляет собой целостность сам по себе» [7: 48], то речь (= речевая деятельность – язык) принципиально разнородна и не составляет единства [7: 48]. Из всего этого следует вывод: «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них»

[7: 53]. «Речь – сумма всего того, что говорят люди»; в ней «нет ничего, кроме суммы частных случаев» [7: 57]. Наконец, в работе говорится о том, что «мы займемся исключительно лингвистикой языка» [7: 58].

Внутренняя лингвистика, исследующая язык, противопоставляется внешней, в которую в современной номенклатуре лингвистических специальностей попадают социолингвистика, стилистика, лингвокультурология, изучение картин мира и др. Внешнелингвистические явления без всяких оговорок названы внеязыковыми, и хотя их изучение признано «весьма плодотворным», но в отличие от лингвистики языка внешняя лингвистика «может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тисками системы» [7: 60–61].

За пределы лингвистики языка выводится также все, что связано с сознательными процессами: «воля и разум» приписываются только речи [7: 52]. Наконец, говоря о проблемах, которые теперь принято называть типологическими, Соссюр указывал: «Язык дает сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» [7: 264]. Он отрицал и то, что «язык отражает психологический склад народа», поскольку «языковые средства не обязательно определяются психическими причинами» [7: 264]. Фактически Соссюр не считал возможным изучение того, что сейчас называют языковыми картинами мира. В итоге, отмечая, что типологические исследования «не лишены интереса», он пришел к выводу о том, что отсюда «нельзя делать каких-либо заключений о том, что лежит за пределами языка как такового» [7: 265]. Соссюр по сравнению с предшественниками четко обозначил вопрос о границах лингвистики. С его точки зрения, все проблемы делились на первоочередные (синхронное изучение языка), относящиеся к лингвистике, но второстепенные (диахрония, фонетика), и на то, чем лингвисты не должны заниматься («нравы и институты народа, который пользуется языком»).

Структурная парадигма всегда устанавливала (причем иногда по-разному) рамки для науки о языке. Например, Л. Блумфилд в полемике с представителем гумбольдтовского направления Л. Шпитцером писал, что обращение к «разуму», «сознанию», «понятию» «не приносит пользы, а, наоборот, приносит много вреда лингвистике, как и всякой другой науке» [1: 62]. А советский лингвист Г.О. Винокур, принадлежавший к иной, чем Блумфилд, школе структурализма, комментируя этот спор, в этом вопросе согласился с Блумфилдом, посчитав, что Шпитцер «в своих стилистических штудиях <...> вообще не есть лингвист» [1: 62].

В более поздней книге отмечалось, что «описать конкретный язык (или его фрагмент) значит построить для него (для его фрагмента) модель типа «Смысл ↔ Текст» [4: 5]. Вводились ограничения, хотя и несколько иные, чем у Соссюра, но имевшие с ним сходство. «Поскольку лингвист как таковой не занимается и – по крайней мере в настоящее время – не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т.п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного «черного ящика» [4: 13]. «Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения. <...> Язык моделируется только в плане преобразования «Смысл ↔ Текст» без учета других функций языка и его исторических, социальных и т.п. связей» [4: 27].

В те годы советские структуралисты стремились сделать лингвистику точной наукой на основе математических методов и вывести ее из сферы гуманитарных дисциплин. Тем, что происходит в процессе речи «на самом деле», занимались либо лингвисты, специализировавшиеся в дисциплинах, тогда казавшихся маргинальными (экспериментальная фонетика), либо ученые, чья деятельность проходила вне тогдашних границ лингвистики (например, А.Р. Лурия и его ученики в психологии). Показательно в данном случае можно считать оговорку, процитированную выше: «по крайней мере в настоящее время».

Вопрос о функционировании языка структуралисты выводили за пределы лингвистики. Впрочем, и внутри структурной парадигмы он иногда поднимался. Прежде всего здесь надо упомянуть Пражский кружок: «К лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели» [8: 69]. Важны также и выдвигавшиеся тогда функциональные идеи Э. Сепира.

По-новому в полемике со структуралистами вопрос о границах лингвистики поднял Н. Хомский. Для него «грамматика отражает поведение носителя языка, который на базе своего конечного и случайного языкового опыта в состоянии произвести и понять бесконечное число новых предложений» [10: 455]. Если у структуралистов с разной степенью последовательности «опыт носителя языка» лингвистике был не нужен, то здесь была поставлена задача его учета при построении модели.

Основанная Хомским генеративная (порождающая) парадигма «является менталистской, так как она занимается обнаружением психической реальности, лежащей в основе реального поведения» [11: 10]. Л. Блумфилд и его последователи такой «ментализм» в лингвистике не признавали. Ученый отвергал «воинственный антипсихологизм», свойственный структурализму [12: 84]. Новая парадигма опиралась на традиционный лингвистический антропоцентризм, связанный с разъяснением языковой интуиции, однако он дополнялся формальным, заимствованным из математики аппаратом, позволяющим выявить строгие синтаксические правила.

Таким образом, Хомский обратился к вышедшей в структурализме за пределы лингвистики проблеме владения человеком языком. Ограничения на границы лингвистического исследования в генеративизме отчасти снимаются. Вновь поставлены вопросы о связи языка и мышления, допускаются интроспекция и учет языковой интуиции, снова устанавливаются связи лингвистики со смежными науками, прежде всего с психологией. В то же время владеющий языковой компетенцией человек у Хомского обособлен и от других людей, с которыми он общается, и от условий, в которых он находится. Вопросы такого рода отнесены к сфере употребления (performance), исключенной из актуальных областей исследования, как и речь у Соссюра. Показательно, например, игнорирование им социолингвистики.

Однако современная лингвистика не сводится к генеративизму и почти вытесненному структурализму. Развивается функциональная, в том числе когнитивная лингвистика, которая стремится снять любые ограничения: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики. <...> То, что считается «не лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем» [2: 20]. Нет ничего, что сознательно бы откладывалось «на потом», никакие границы заранее не устанавливаются. Как пишут уже в работе самого последнего времени, «проблематика когнитивной лингвистики понимается максимально широко, включая любые вопросы взаимодействия языка, ума и мозга человека» [3: 22]. При этом еще недавно считалось, что взаимодействие языка и мозга – конечно, важная проблема, но она не относится к лингвистике, а об уме серьезным ученым говорить не следует.

В то же время при значительном расширении тематики и установлении все новых связей со многими науками о человеке возникают и новые проблемы. Помимо того что заметно

снизился уровень научной строгости (это не относится к экспериментальным и прикладным исследованиям), вопрос о границах лингвистики, четко ставившийся Соссюром и Хомским, оказывается расплывчатым. Расширение рамок науки – позитивный процесс, но лингвистика

не может покрыть всю гуманитарную проблематику. Склонность к экспансии такого рода заметна, когда, например, из типологических особенностей некоторого языка выводятся «нравы и институты народа, который пользуется этим языком», по выражению Соссюра. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Эпизод идейной борьбы в американской лингвистике // Вопросы языкознания. 1957. № 2.
2. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
3. Кибрик А.А., Кошелев А.Д. От составителей: когнитивная лингвистика – в поисках единства // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.
4. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.
5. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
6. Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х гг.). М., 2004.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
8. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
9. Томсен В. История языкознания до конца XIX века. М., 1938.
10. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
11. Хомский Н. Синтаксические структуры // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
12. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

References

1. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Moscow, 1972.
2. Chomsky N. Language and mind. Moscow, 1972.
3. Chomsky N. Syntactic structures // Звегинцев В.А. History of linguistics in sketches and extracts v ocherkah i izvlecheniyah. V. 2. Moscow, 1965.
4. Kibrik A.A., Koshelev A.D. From the compilers: cognitive linguistics in search of unity // Language and thought. Contemporary cognitive linguistics. Moscow, 2015.
5. Kibrik A.E. Lingvisticheskiye postulyaty [Kibrik A.E. Linguistic postulates] // Kibrik A.E. Oчерки po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya [Sketches on theoretical and applied problems of linguistics]. Moscow, 1992.
6. Mel'chuk I.A. Experience of the linguistic models «Sense – Text». Moscow, 1974.
7. Paul H. Principles of the history of the language. Moscow, 1960.
8. Robinson M.A. Fates of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 – nachalo 1930-h gg.). Moscow, 2004.
9. Saussure F. de. Works on linguistics. Moscow, 1977.
10. Theses of the Linguistic circle in Prague // Звегинцев В.А. History of linguistics in sketches and extracts v ocherkah i izvlecheniyah. V. 2. Moscow, 1965.
11. Thomsen V. History of linguistics to the end of the XIXth century. Moscow, 1938.
12. Vinokur G.O. Episode of the ideological struggle in the American Linguistics // Voprosy yazykoznaniya, 1957. N. 2.

V.M. Alpatov

BOUNDARIES OF LINGUISTICS IN DIFFERENT EPOCHS

Linguistics, boundaries of linguistics, philology, grammar, historical linguistics, synchronous linguistics, structure of language, functioning of language.

The century-old history of linguistics shows that the notions on the boundaries of linguistics transformed many times; there were periods of broadening of the object of linguistics and periods of narrowing of it. Linguistics was purely synchronous until the XVIIIth century but it became historical in the XIXth century. The structural linguistics of the XXth century investigated the synchronous structure of languages but ignored the functioning of them. The contemporary linguistics is characterized by the maximum broadening of its territory.